

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 289

Декабрь

2005

Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология»

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

ISSN: печатный вариант – 1561-7793; электронный вариант – 1561-803X от 20 апреля 1999 г.
Международного центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

МЕМУАРЫ. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. ПЕРСОНАЛИИ

Борису Георгиевичу Могильницкому 75 лет 3

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Гаман Л.А. Советская история в изображении Ф.А. Степуна: к постановке вопроса 6
Горбунова Ю.Ф. Изучение личности и государственной деятельности императора Николая II
в современной отечественной историографии: реальность и перспективы 14
Гумерова Ж.А. Идеал святости на Руси у Г.П. Федотова 32
Жеравина А.Н. Исследования 80–90-х гг. XX в. по истории кабинетского хозяйства в Сибири (1747–1861 гг.) 39
Коктыш В.А. Г.В. Вернадский о монгольском завоевании в русской истории 51
Турнаев В.И. Положение иностранных учёных в послепетровской России 55
Турнаев В.И. Немецкие учёные в послепетровской России: встреча с действительностью 65
Тюменцев Ю.А. Образ христианского историзма в раннем творчестве Г.В. Флоровского 73
Хазанов О.Б. Еврейское национальное самосознание эпохи модернизации в свете научного
и религиозного подходов 93
Чуркин М.К. Проблема роли природно-географического фактора в русской истории в оценках
отечественной историографии и общественно-политической мысли второй половины XIX–XX в. 108
Ширко К.Н. Исторический процесс в интерпретации Н.А. Бердяева: диалектика божественного и человеческого 113
Яблоков И.А. Мифологический образ Е.П. Блаватской в контексте концепции мифа А.Ф. Лосева 121

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Мауль В.Я. Методологические проблемы междисциплинарного изучения
русского бунта: достоинства и недостатки 125
Мауль В.Я. Русский бунт как форма культурной идентификации переходной эпохи 144

ИСТОРИЯ ТГУ И ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ

Жеравина А.Н. «Отечеству и науке» – девиз университетских студентов дореволюционного Томска 158
Петрик В.В. Система управления высшей школой в конце 50-х – начале 90-х годов XX века
(на примере вузов сибирского региона) 168
Черказьянова И.В. Попечитель учебного округа Л.И. Лаврентьев и Томский университет:
сотрудничество и конфликты 177

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Соколов В.Ю. Основания расширения понятия «содержание образования»
в курсе «Методика преподавания истории в школе» 188
Тимошенко А.Г., Логутова Н.Б. Болонский процесс. Основные задачи и действия по их реализации 193

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 199

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НААНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 201

«УВЛЕЧЕНИЕ» – ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Образ Вечности на земле (Иерей Андрей Носков); О мечети, синагоге и других томских храмах (Н.М. Дмитриенко)

FEDERAL AGENCY OF EDUCATION
VESTNIC TOMSK STATE UNIVERSITY
GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 289

December

2005

Series «History. Study of local lore. Ethnology. Archaeology»

Certification of registration: printed version № 018694, electronic version № 018693
Issued by Russian Federation state committee for publishing and printing on April, 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
on April, 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

CONTENTS

HISTORIOGRAHY. SOURCE STUDY

Gaman L.A. Soviet history in interpretation of F.A. Stepanov: to the formulation of the question	6
Gorbunova Y.F. The investigation of emperor's Nicolas II personality and his state activity in modern Russian historiography: reality and prospects.	14
Gumerova Z.A. The ideal of sanctity in Fedotov's works	32
Zheravina A.N. Studies of the 80-th – 90-th years of the 20-th century devoted to the history of cabinet economy in Siberia	39
Koktysh V.A. George Vernadski about the Mongolian conquest in the Russian history	51
Turnaev V.I. The standing of foreign scientists in the post Peter the First's period	55
Turnaev V.I. German scientists in the post Peter the First's Russia: the meeting with the reality	65
Tyumentsev Yu.A. Christian vision of history in early works of G.V. Florovsky.	73
Khazanov O.V. The Jewish national consciousness in epoch of modernization from the standpoint of the scientific and religious approaches.	93
Churko M.K. Peculiarities of the agricultural crisis in the provinces of Russia, and possible ways of its overcoming in the second part XIX – beginning XX centuries.	108
Shyrko K.N. Historical process in N.A. Berdyaev's interpretation: dialectics divine and human v	113
Yablokov I.A. Mythological character of H.P. Blavatskaya in the context of the concept of A.F. Lose	121

RUSSIAN HISTORY

Maul V.J. Methodological problems of inter-disciplinary study of Russian riot: merits and demerits	125
Maul V.J. Russian riot, as the form of cultural identification of the transitional epoch	144

THE HISTORY OF THE TSU AND EDUCATION IN SIBERIA

Zheravina A.N. «To Country and science» – the slogan of the university students of the pre-revolutionary Tomsk	158
Petrik V.V. the system of higher school management at the end of the 50 ^s – the beginning of the 90 ^s of the XX th century (illustrated by the examples of higher schools of Siberian region)	168
Cherkazianova I.V. The curator of the West Siberian School District L.I. Lavrentev and the University of Tomsk: cooperation and conflict	177

PROBLEMS OF EDUCATION

Sokolov V.Yu. The problems of construction the course «Methods of the teaching history in a school»	188
Timoshenko A.G., Logutova N.B. Bologna declaration. principal topics and action in the process of fulfillment	193

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTORS.	199
--	-----

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH.	201
--	-----

«UVLECHENIE» – A MAGAZINE IN JOURNAL

МЕМУАРЫ. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. ПЕРСОНАЛИИ**БОРИСУ ГЕОРГИЕВИЧУ МОГИЛЬНИЦКОМУ 75 ЛЕТ**

Б.Г. Могильницкий – действительный член Академии социальных наук, профессор, заведующий кафедрой истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории исторического факультета Томского государственного университета. Окончил ТГУ (1951 г.), доктор исторических наук (1967 г.), декан историко-филологического (1968–1972 гг.) и исторического (1974–1980 гг.) факультетов ТГУ. С 1976 г. председатель докторского диссертационного совета Д.212.267.03 по историческим наукам. Автор более 150 публикаций, в том числе 5 монографий. Научный руководитель 45 и консультант 5 докторских диссертаций. Заслуженный деятель науки РФ. Почетный работник высшего профессионального образования. Автор первого в России учебника для вузов по методологии истории «Введение в методологию истории» (М., 1989). Награжден орденом «Знак Почета» и тремя медалями.

Эти сухие данные хотя и показывают уровень деятельности и заслуг юбиляра, однако мало что скажут читателю о масштабе этой выдающейся личности. Безусловно, Борис Георгиевич известен нам разными сторонами своей богатой и многогранной натуры. Однако из общения с ним каждый вынес нечто общее в ощущении характера даже мимолетных встреч, разговоров с ним, контактов на любом уровне. Человек словно попадает в некое невидимое силовое поле, и имя этому полю – культура. Культура в самом широком и глубоком, истинном смысле этого слова. Именно она, подлинная, настоящая и негромкая, определяет главное в его личности и задает особый регистр общения с ним. Это, как представляется, и определяет уникальность его как человека, как профессионала.

Как заведено в нашем ремесле, мы попытались интерпретировать этот уникальный культурно-исторический феномен, прибегая к тем средствам, которым нас Учитель же и обучил.

Борису Георгиевичу посчастливилось родиться в семье, атмосфера которой на многие годы определит его «я». Его родители (мать – Берта Борисовна Столпер, врач, и отец – Георгий Николаевич Могильницкий, инженер) жили в Киеве. Интеллигентная семья любящих и заботящихся друг о друге людей. Именно широкий культурный кругозор и родительский такт явились основой свободного выбора будущей профессии. Это произойдет уже в Барнауле, куда семья была эвакуирована в 1941 г. и где Борис Могильницкий в 1946 г. закончил с серебряной медалью среднюю школу.

Его студенческая пора счастливо совпала со временем окончания войны. Среди сокурсников и преподавателей Бориса Георгиевича было немало бывших фронтовиков, чье присутствие радикально изменило атмосферу студенческих аудиторий – это была атмосфера свободы, самостоятельности суждений, подпитываемая опытом обретенной мудрости, знания и жажды жизни. Среди этих людей вскоре появился тот, чье имя так много будет значить для Бориса Георгиевича и многое определит в его судьбе, и не только в его.

Приехавший в 1947 г. в ТГУ А.И. Данилов привлекал многих своей фронтовой биографией, своей сильной и волевой натурой. После знакомства с А.И. Даниловым Борис Георгиевич сделал бесповоротный выбор в пользу медиевистики. Лекции по западно-европейскому Средневековью, спецсеминар, который вел А.И. Данилов по раннему Средневековью, были образцом профессионального мастерства. И это не удивительно. А.И. Данилов был учеником выдающегося историка А.И. Неусыхина, который, в свою очередь, прошел школу известнейшего отечественного медиевиста Д.М. Петрушевского, воспитанного в традициях Т.Н. Грановского и И.В. Лучицкого – гордости российской исторической науки. Прежде всего у А.И. Данилова Борис Георгиевич получил уроки высочайшего профессионализма, в общении с ним обрел тот культурно-исторический багаж, который определил интересы, стиль работы, направления научного поиска сначала студента, а потом и зрелого исследователя.

Уже в студенческие годы между ними установилась особая духовная связь. Именно под его руководством Борис Георгиевич делает свои первые шаги в науке в рамках спецсеминара, в 1958 г. защитит кандидатскую диссертацию по Петрушевскому, а в 1967 г. – докторскую диссертацию, посвященную русской либеральной медиевистике конца XIX – начала XX в. Диссертации, как и целый ряд его статей и книг, заявили о появлении в отечественной науке не просто историографа-медиевиста, но ученого с широчайшим интеллектуально-культурным диапазоном видения вещей. С одной стороны, можно сказать, что

сама предметная область медиевистики в силу счастливого положения на периферии идеологического контроля во многом облегчила явление незащоренного, не стиснутого догматизмом, присущим другим областям исторического знания тех лет, сознания. С другой стороны в них проявился почерк творческой индивидуальности молодого ученого, отличительными особенностями которой были широта и глубина осмысления анализируемых явлений, уникальная способность видеть явление в нестандартном ракурсе и умение найти его связь с культурно-историческим контекстом.

Именно этот стиль мышления и определил нишу, в которой Борису Георгиевичу найдется мало равных в отечественной, да и не только отечественной, науке. Этой нишей является, безусловно, методология истории – царица исторических дисциплин. В те годы методологическая проблематика фактически не звучала, загубленная в 1930-е гг., она была репрессирована для многих, ее подсознательно сторонились. Доминирующим типом исторического и, главным образом, историографического исследования были работы не концептуального, а конкретно-исторического типа, преобладали работы, посвященные анализу трудов отдельно взятого историка или какого-либо аспекта его творчества. Труды молодого томского ученого, наряду с появившимися в 1960-е гг. исследованиями таких известных историков, как Барг, Гефтер, Цамутали, Шапиро, свидетельствовали об обретении отечественной наукой нового уровня диалога с прошлым.

Наряду с М.А. Баргом Борис Георгиевич ввел в тогдашнее пространство научных штудий понятие теории среднего уровня (или теорию действия) в противовес исмаатовской теории общеисторических закономерностей, действующих в определенных пространственно-временных рамках. Именно он в отечественной историографии первым сформулировал новое понимание предмета историографии, который не может быть редуцирован лишь к истории исторической науки, но, несомненно, включает в себя историю исторических знаний, исторической мысли независимо от области их бытования. Уже в 1970-е гг. его исследовательская культура и широта позволят ему вслед за Гефтером поднять вопрос об альтернативности истории. В условиях, когда догматизированное понимание исторического процесса как заданного и непреложного было расхожим местом, когда видение историческое по большей части оставалось одномерным, он говорит о безграничном многообразии.

Многое из перечисленного здесь настолько прочно вошло в историческую культуру исследователя сегодняшнего дня, что трудно себе представить иной стиль исторического мышления и сознания. А между тем он был иным. В 1960–70-е гг. в отечественной науке проходил невидимый для современников методологический поворот – поворот от исмаатовски ангажированной одномерной упрощенной интерпретации истории к той модели исторической науки, без которой невозможны ни сегодняшняя история ментальностей, ни историческая антропология, ни исследования повседневности, ни споры о сослагательном наклонении в истории и пр.

Словом, во многих отношениях Борис Георгиевич был одним из первопроходцев для тогда еще только становящейся методологии советской исторической науки.

Мы не пытаемся представлять Бориса Георгиевича как некоего оппозиционера системе, он таковым никогда не был и не мог быть по очень простой причине – опять-таки по причине не политического, но иного, более глубокого свойства. Нам не дано выбирать времена, но нам дано выбирать свой путь в них. Его путь – это путь дела, конструктивного созидания, которое во все времена является основой движения жизни. Он был всегда сторонником завета Берка: «Не разрушать, а улучшать», зная, что личность, желающая сохранить уважение к себе, в любую эпоху обязана стремиться не к социальному индифферентизму и тем более не к преумножению зла, а к его преумножению, делая это в границах возможностей, предоставленных временем, и особенностей темперамента, дарованного Богом.

Именно поэтому в любые времена, при любых сменах режимов и политических пертурбациях он сохранял завидное свойство – не уходя от тех проблем, что выдвигала современная ему действительность, он, понимая, что «важней всего погода в доме», никогда не строил свою жизнь и работу по политическому барометру. Яркий пример – перестройка. Вспомним, какой тогда царил политический хаос: одни срочно бежали сдавать партбилеты, другие искали место под солнцем вновь создаваемых кумиров, третьи крыли всех и вся. Примерно то же самое происходило и в научных кругах – концептуальная растерянность, во многом связанная с тем, что в условиях дискредитации «единственно верной» марксистской теории образовался вакуум. Многие только тем и занимались, что громили почем зря марксистскую теорию и лихорадочно хватались за первые приглянувшиеся западные концепции, сотворяя из их авторов новых кумиров. Третьи и вовсе разуверились в важности своего дела и отвернулись от Музы, в любви к которой еще недавно клялись.

Ситуация, безусловно, была сложной – наука действительно испытывала кризисные времена, и это было связано не только с сиюминутными обстоятельствами политической конъюнктуры, хроническим

безденежьем. На иной манер благополучный Запад также переживал профессиональный кризис – разговоры о конце истории, о невозможности ее объективного познания соседствовали с тем, что удачно называют иногда историей в мелкий горошек.

Безусловно, для Бориса Георгиевича это было время, когда он испытал один из сложнейших кризисов профессиональной идентичности, мучительных поисков самоопределения в новых реалиях. На это наложился процесс, своими корнями уходящий еще к 70-м, когда интересы Бориса Георгиевича все более и более сосредоточивались в области новаций в западной науке. К этому времени за ним закрепилась репутация одного из знатоков и критиков западной историографии. Как бы теперь ни оценивалась критическая составляющая этого знакомства с миром другой науки, важно одно – в ней он увидел многое такое, что для историка-марксиста, каковым, безусловно, был Борис Георгиевич, не могло не стать вызовом парадигмальной классической методологии, в рамках которой он, как и многие другие ученые, работал долгие годы. Уже в одной из своих статей начала 1990-х он писал: «...начинается, хотя и медленно, подспудно, процесс осознания того, что классическая марксистская теория недостаточна для понимания многообразия исторической действительности».

Самое важное в этом поиске и саморефлексии было то, что для него, профессионала большой культуры, многое в этом вызове оказалось провоцирующе продуктивным, и сейчас можно с уверенностью сказать, что ответ на вызов среды был найден адекватный. Знакомство с новыми методологиями анализа человека, его чувств и сознания, всего того, что сегодня именуется антропологической историей, образовало для него и для его школы то творчески напряженное пространство новых исследований, которое побудило к конструктивному переосмыслению накопленного теоретического багажа и методологического инструментария.

Исследовательская и человеческая культура Бориса Георгиевича служила хорошим противоядием от слепого копирования, восхваления и концептуальной всеядности. Умение видеть за лавиной разнонаправленных и хаотических процессов главное позволило ему отсекал тупиковые ветви поиска и находить для работы те ниши, которые сулили открытие нового.

Словом, он и его школа работали, и итогом работы этих трудных лет явилось большое количество статей и книг, связанных с анализом антропологического сдвига в современной историографии. Помню, с каким трудом нашлись деньги на публикацию книги «К новому пониманию человека в истории», которая по причине отсутствия финансов пролежала около года под сукном, и нужен был поход в обком, чтобы книга увидела свет и на нее сразу откликнулись многие.

Но каким бы ни был трудным этот путь, он позволил школе не просто сохраниться, но идти дальше. Сам Борис Георгиевич в последние годы напряженно работал над одной из сложнейших слагаемых той парадигмальной ломки науки, в авангарде которой шла французская Школа Анналов. Уже вышли в свет два тома, посвященные анализу этих процессов, не за горами и третий. При всем обилии выходящей ныне научной продукции книги эти имеют поразительный спрос – некоторые библиотеки заказывают по 50 экземпляров. Школа получила новый импульс, она продолжала развиваться вопреки сложностям, которые преподносило время. Находились и финансы – только с 1991 г. руководимая Борисом Георгиевичем кафедра выиграла и завершила ряд крупных международных грантовых проектов, расширивших контакты с нашими коллегами из научных и вузовских центров, контакты, значимость которых трудно переоценить. Многое из этого общения обогатило как научный, так и учебный процесс.

Вот об этом учебном процессе следует сказать особо. Для кого-то учебный процесс – профессиональная рутина, не более того, для Бориса Георгиевича студент всегда был и остается главным собеседником. В нем он видит коллегу, пусть младшего по возрасту и другим параметрам, но коллегу. К каждой встрече со студентами он всякий раз готовится как в первый раз, перед ними он не боится ставить те проблемы, которые мучают его исследователя. Всем своим отношением к делу он задает такую планку диалога, что никому в голову не придет не принять его дело всерьез. Борису Георгиевичу не приходится прибегать к каким-то специальным средствам активизации внимания, взывать к дисциплине. Его собственный интерес к предмету и культура общения со студентами возвращаются к нему по принципу бумеранга.

Воспитанник Томского государственного университета Б.Г. Могильницкий сегодня является одним из тех, кто своей деятельностью укрепляет авторитет старейшего в Сибири вуза, создает новые славные страницы его истории.

И.Ю. Николаева